

К проблеме типологизации концепций мультикультурализма

Аннотация

В статье сделано обобщение современных концепций мультикультурализма, которые сформировались в теоретической социологической традиции в течение последних тридцати лет. В соответствии с периодом существования мультикультурализма как социокультурной и политической практики, выделены традиционные и современные концепции, различающиеся по смыслу и распространенности. В традиционных концепциях мультикультурализм отражает исторически сформировавшееся многообразие культур в пределах отдельной страны и ограничивается рамками национальной государственности и социокультурными стандартами и не претендует на роль особого социокультурного порядка. Современный мультикультурализм распространяется в глобальных масштабах, предстает в качестве одного из проявлений глобализации в обществе. По уровню обобщения охарактеризован демографический мультикультурализм, используемый как индикатор социальных изменений; политико-конституционный, или программно-политический, основывающийся на понимании этнической идентичности как важной почвы для политических и общественных организаций при распределении прав и ресурсов; идеологический, в рамках которого обсуждаются варианты национальных идеологий, культурной коммуникации, межкультурного взаимопонимания, соотношения ценностей, норм, морали определенных этнокультурных сообществ, этнического меньшинства и этнического большинства и т.п.; социально-трансформативный, направленный на предотвращение расизма, национализма, сексизма, гомофобии и достижение равенства для всех групп общества; критический мультикультурализм, который понимается как иллюзорное понятие, игнорирующее потребность в общих культуре, языке, идентичности, позволяющих обществу быть стабильным. Многочисленные концепции по поводу социокультурной множественности и определения характера различий объединены в два направления дискуссии: постструктуралистский и инструменталистский.

Ключевые слова: мультикультурализм, культура, культурный плюрализм, этническая и культурная идентичности

Главной целью статьи является попытка обобщения и систематизации сформировавшихся во второй половине XX — в начале XXI века в социологии и других социогуманитарных науках концепций мультикультурализма — феномена, приобретающего в условиях глобализации принципиально важное значение, поскольку он является одной из возможных парадигм взаимодействия и взаимовлияния культурных и этнических общностей, способной противостоять нивелированию культурного многообразия, его унификации [Социологическая энциклопедия, 2003: с. 182–183].

В социологической традиции в общем понимании мультикультурализм отождествляется с культурным плюрализмом и определяется как одна из наиболее распространенных партикуляристских концепций, моделей культурной системы, основанных на сосуществовании (в форме конкуренции, противостояния, столкновения, компромисса, баланса) в рамках одного государства относительно закрытых социальных сегментов (дифференциация общества по социальным, религиозным, языковым и прочим критериям), культурных сообществ (этнических, национальных и т.п.), которые осознают специфичность собственной “картины мира” [Социологическая энциклопедия, 2003: с. 182]. В противовес тенденции современных обществ к культурному объединению, мультикультурализм признает и защищает культурное разнообразие (например, языки меньшинств), сосредоточивая внимание на неравных отношениях меньшинств с господствующими культурами [Джери Д., Джери Дж., 1999].

Понятие “мультикультурализм”, как известно, возникло в конце 1950–1960-х годов в Канаде для обозначения состояния этнокультурного, расового, религиозного многообразия. Однако официально этот термин был закреплен в 1971 году, что стало своеобразным актом признания государственными институтами бесплодности ассимиляционной политики, направленной на гомогенизацию культурно многосоставного населения страны [Canadian Multiculturalism, 1985]. В то же время в некоторых исследованиях отмечается, что “мультикультурализм” в значительной мере — не более чем риторическое обновление старых проблем: переименование процессов, которые начиная с 60-х годов XX века осмысливались в терминах “этнического возрождения”. Категория “культура” пришла на смену категории “этничность”, предлагая более широкую, более мягкую и более расплывчатую формулу для определения конфликтогенного характера современного общества. Как считает немецкий социолог Франц-Олаф Радтке, “адепты мультикультурализма”, “закрывая глаза” на структурные проблемы современных обществ и выдвигая на первый план “культурные” проблемы (или скорее перекодируя структурные проблемы в культурные), пошли либо путем романтизации и морализации реальности, либо путем отказа от аналитической строгости [Radtke, 1998: p. 138].

Развившаяся более всего в социальных науках США, Канады, Австралии, тема мультикультурализма приобретает особый интерес и проникает из североамериканской и австралийской научных традиций в социаль-

ные науки Западной и Восточной Европы. Как справедливо подчеркивает известный российский политолог и этнограф Эмиль Паин, “его популярность заложена в основном постулате, признающем самоценность культурного многообразия страны (региона, всего мира) и принципиальную невозможность (недопустимость) ранжирования культур (в том числе этнических) по принципу “низшая — высшая”, “главная — второстепенная” или “господствующая — другие”” [Паин, 2004: с. 132].

Активные исследования проблем мультикультурализма начинаются в конце 1990-х годов XX века. Формируются различные представления о самом явлении мультикультурализма, что отражается в яркой мозаике определений этого понятия. Неоднозначность понимания мультикультурализма в современной науке определяет самые разнообразные сферы его применения, порождает многочисленные исследовательские подходы. Некоторые авторы пытаются продемонстрировать его важность в контексте новых социокультурных реалий, по-новому рассмотреть теоретические основы мультикультурализма и культурологические теории. Другие исследователи анализируют поражения и успехи политики мультикультурализма в европейских и североамериканских странах с позиций устоявшихся и новых социальных и культурных практик и отношения к меньшинствам. Наконец, мультикультурализм рассматривают и как философскую концепцию мира [Ле Коадик, 2010].

Хотя термин “мультикультурализм”, по словам американского либерального публициста Ричарда Бернштейна, все еще остается “понятием неопределенным” [Bernstein, 1994: р. 4], или, по мнению российского исследователя Эмиля Паина, размытым термином, означающим лишь то, что в него вкладывает каждый [Паин, 2011], в зарубежной и отечественной социологической теории уже сформировался ряд концепций мультикультурализма, анализ которых дает основания для их обобщения, систематизации и типологизации по определенным критериям:

- по периодам существования мультикультурализма как социокультурной и политической практики;
- по уровню обобщения;
- по направлениям и типу мультикультуралистского дискурса.

Итак, остановимся детальнее на каждом из обозначенных выше критериев. Что касается первого, то современные исследователи выделяют два периода существования мультикультурализма как социокультурной и политической практики — старая постмодернистская мультикультурность 1960–1980-х годов (“мультикультурность I”) и новая мультикультурность 2000-х (“мультикультурность II”) [Липкин, 2014: с. 31–32].

Соответственно различают традиционные и современные концепции мультикультурализма, которые существенно различаются между собой и по масштабам распространения, и по своему смыслу.

Так, традиционные концепции мультикультурализма сформировались на этапе “мультикультурности I”, которая возникла в развитых странах Запада на фоне существенного повышения благосостояния и досуга, отсутствия угрозы войн и серьезных конфликтов между европейскими национальными государствами и интенсивного перемещения граждан в границах Европы в поисках работы. В таком контексте французский социолог Мишель Вевьерка отмечает, что начиная с конца 1960-х годов производство

культурных различий в наших обществах увеличивается. И чем более современными или гиперсовременными (можно сказать — постсовременными) являются наши общества, тем сильнее тенденция изобретать различия, используя культурные материалы, заимствованные из настоящего, прошлого, из обычаев, форм прежнего искусства, истории и т.п. [Вевьерка, 2005: с. 18–19]. Принципиально важным для “мультикультурности I” является и то, что группы, возникающие в этот период, не противопоставляют себя западной системе либерально-демократических ценностей, а вписаны в нее. Поэтому мультикультурализм в традиционных концепциях, во-первых, отражает прежде всего исторически сформировавшееся многообразие культур в пределах отдельно взятой страны; во-вторых, как система ценностей, форм идентичностей в значительной мере ограничен рамками национальной государственности и социокультурными стандартами: верховенством национальной идентичности, привилегированной особенностью гражданства, территориально-государственной основой культурных и политических зависимостей; в-третьих, он также ограничен жесткими рамками национальной идентичности, не претендует на роль особого социокультурного порядка, не может быть альтернативой установленным в данном обществе стандартам, образцам, нормам социальной организации, базовым идентичностям [Следзевский, 2008: с. 103].

Появление современных концепций мультикультурализма приходится на конец 1990-х — начало 2000-х годов — период становления “мультикультурности II” в европейских странах. И здесь складывается иная ситуация и доминируют проблемы иного уровня. Источником этих проблем, по мнению российского исследователя Аркадия Липкина, становится массовая иммиграция из исламского мира, вызванная новой фазой процесса глобализации. По сути, речь идет о процессе “глобальной урбанизации”, где развитые страны играют роль города, а слаборазвитые — села [Липкин, 2014: с. 33].

Современный мультикультурализм распространяется в глобальных масштабах и предстает одним из проявлений глобализации в обществе. Его отличительной чертой является появление глобального трансграничного культурного пространства, в котором свободно перемещаются отдельные культурные формы и социокультурные сообщества, возникает принципиальная возможность включения в культуру общества почти любых ценностей, стандартов поведения и культурных стилей, в том числе не связанных друг с другом и не соответствующих принятому в данном обществе социокультурному порядку. Таким образом, в современных концепциях мультикультурализма предлагается особая концепция идентичности. В ее основе лежит жесткое противопоставление национально-гражданской идентичности и разнообразных форм и категорий групповой идентичности, а также замена гражданских прав индивида коллективными правами групп — культурными, расовыми, конфессиональными, приведение культурных различий в соответствие с принципом равенства отдельных культур, социокультурных сообществ. В современном мультикультурализме понимание культурных идентичностей отражает адекватное распределение социальных и политических прав и разнообразные формы признания культурных меньшинств [Следзевский, 2008: с. 103–104].

По мнению социального историка Игоря Следзевского, современный мультикультурализм является альтернативой социокультурным основам

государств-наций. С этим типом социокультурных систем, до недавнего времени доминировавших в мировом масштабе, сегодня успешно конкурируют социальные сообщества и культурные конфигурации принципиально иного, сетевого типа. Сетевые структуры ограничивают, а зачастую сводят на нет деление культурных образцов, форм, средств коммуникации по иерархическому и институциональному признакам и по принадлежности культурных систем к государственно-территориальным сообществам. Социокультурный порядок национальных государств утрачивает всеохватывающий, суверенный характер и уже не определяет эффективно и регулярно степень и характер культурного многообразия [Следзевский, 2008: с. 106–107].

В сетевых структурах особенности “своей” и “чужой” культур воспринимаются по иным законам, нежели в ситуациях соотнесения этих особенностей в иерархическом порядке. Человек является одновременно участником разных социокультурных групп, а в условиях современного массового общества это ведет к развитию множественности, постоянно меняющихся идентичностей, которые и сближают, и разделяют людей друг с другом. В этой множественности уже совсем не просто отделить “свое” от “чужого” по их месту в иерархии культурных признаков, однако практически универсальным и постоянно востребованным индикатором “свой — чужой” становятся символы различий. Это не просто повышает значение культурных идентичностей, а изменяет сам порядок, характер, результаты такого размежевания, что влияет и на характер культурной идентичности [Следзевский, 2008: с. 109]. Впрочем, во всех этих аспектах мультикультурной альтернативы нет ни одной явной угрозы социокультурным основам и стандартам единства национально-государственных сообществ, тем более угрозы раскола. Ведь мультикультурализм предлагает свой способ социокультурной интеграции, а не ассимиляции инокультурных групп, и включения этих групп в социальную и политическую системы гражданского общества без обязательного признания культурной идентичности большинства.

Теперь перейдем ко второму критерию классификации концепций мультикультурализма по уровням обобщения.

В социальных науках в ходе всей истории становления теории мультикультурализма сформировалось несколько таких уровней, а именно:

- демографический, или описательный [Куропятник, 2005], где мультикультурализм используется как индикатор социальных изменений, касающихся именно этнической структуры населения, когда на место этнической гомогенности общества приходит его разнородность; сущность его заключается в описании демографических и этнокультурных параметров этих обществ как следствия внутренних и внешних причин. Наиболее важными из них являются миграции и иммиграции, пространственное размещение населения. В результате этого мультикультурализм как на институциональном, так и на обыденном уровне понимается как политика восприятия иммигрантов в границах общества-реципиента [Петриковская, 1993: с. 33; Deger, 1997: p. 107];
- политико-конституционный уровень [Heckman, 1993], или программно-политический уровень [Высоцька, 2009], на котором мультикультурализм исходит из понимания того, что этническая идентичность является важной основой для политической и государственной организации, для распределения прав и ресурсов. Это означает, что мультикульту-

турализм закрепляет принцип этнического плюрализма, автономии и предупреждает акультурацию, ассимиляцию, утверждение единого государственного языка. Такой подход имеет целью учет интересов разных этнических групп и обеспечение для них определенного уровня признания и самостоятельности, одновременно сохраняя соответствующее видение этнического единства [Ceaser, 1998: p. 140]; то есть речь идет о практическом решении вопросов политического и культурного равноправия, реализации программ поддержки и социальной защиты меньшинств [Wieviorka, 1998; Habermas, 1994: p. 119–121]. В данном случае мультикультурализм объединяет ряд формальных государственных политик, которые имеют две основных цели: сохранение гармонии между разными этническими группами и структурирование отношений между государством и этническими и культурными меньшинствами [Лебедева, 1999: с. 218–219; Тенула, 1998: с. 245–249; Todd, 2003: p. 216]. Политический мультикультурализм представляет собой теорию и практику неконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп [Кирабаев, 2002: с. 20], что может воплощаться в правовых нормах, отражаться на характере общественных институтов и в повседневной жизни людей [Тишков, 2002: с. 335]. Его цель — снять напряжение между локальным и универсальным, между желанием локальных культур сохранить свою идентичность и необходимостью обеспечения целостности большого общества [Чукин, 2002: с. 76–77]. Такой точки зрения придерживается и американский политический философ Майкл Волцер, который характеризует мультикультурализм как программу борьбы за увеличение социального и экономического равенства, когда государство, ориентированное на поддержание равновесия между разнообразными социальными и культурными ассоциациями, может обеспечивать необходимые условия для реализации этой программы особыми, присущими только государству, конструктивными политическими средствами [Волцер, 2000: с. 126];

- идеологический уровень, в рамках которого обсуждаются варианты национальных идеологий, например, полиэтнического национализма в Австралии [Castles, 1990: с. 46], культурной коммуникации, межкультурного взаимопонимания, соответствий и отличий ценностей, норм, морали этнокультурных общностей, контактирующих между собой, этнического меньшинства и этнического большинства и т.п. [Habermas, 1994: p. 119–120]. Кроме того, мультикультурализм как идеология является программой борьбы за увеличение социального и экономического равенства [Волцер, 2000: с. 126]. Мультикультурализм выступает также формой интегративной идеологии, посредством которой полиэтнические, поликультурные общества реализуют стратегии национального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования разных форм культурной жизни [Куропятник, 2005; Колодій, 2008];
- социально-трансформативный уровень [Высоцька, 2009], направленный на искоренение расизма, национализма, сексизма, гомофобии и достижение равенства для всех групп общества. То есть в данном контексте мультикультурализм отрицает существование чистых культур,

поскольку каждая культура объединяет элементы других; это означает отрицание “господствующей культуры” [Дмитриев, 1999: с. 34]. В общем культуру понимают как результат непрерывного взаимодействия одного народа с другим [Нескман, 1993]. На социально-трансформативном уровне мультикультурализм предстает в виде обоснования плюралистической культурной пирамиды, идущей на смену логоцентрической, предлагая новое “идеальное”, а иногда и утопичное видение, отвечающее или контрастирующее с понятием общества и культуры многообразия [Тлостанова, 2000: с. 34];

- “бутиковый” мультикультурализм [Fish, 1997]. Он базируется на весьма легкомысленном отношении к проблеме многообразия как сугубо поверхностного изменения образа жизни, которое не затрагивает глубинной почвы человеческой природы. Мультикультурализм такого рода мифологизирует процесс, в результате которого любая маргинальность превращается в товар для потребления. Мультикультурализм, по словам американского исследователя Грехема Хаггана, очень тесно связан с экзотизацией, и если можно говорить о “бутиковом” мультикультурализме, то экзотизм можно рассматривать как своеобразную форму ксенофобии [Huggan, 2001: р. 126]. В таком ярко рыночном варианте мультикультурализма, направленном на саморекламу в обществе мейнстрима, формируется определенная стратегия самоупаковки мультикультурных продуктов, подачи их творцами как ключевых свойств этого мощного дискурса “желания”, в данном случае желания того, чтобы другие голоса были услышаны, чтобы взгляды, не относящиеся к мейнстриму, были включены в поле диалога. Однако мультикультурная игра такого рода может легко поддаваться различным формам эксплуатации и манипуляции вплоть до пародии на современное театральное восприятие культурной идентичности в сочетании с получением дохода от этой театральности [Тлостанова, 2008: с. 103].
- последний уровень, критический [Нескман, 1993]. Здесь мультикультурализм понимается как вроде бы неплохое понятие, тем не менее иллюзорное, игнорирующее потребность в общей культуре, языке, идентичности для предоставления возможности обществу быть стабильным. В рамках этого подхода сущность мультикультурализма проявляется в замене общественных идеалов, когда за понятием интеграции, выдающим себя за форму толерантности, скрывается представление об ассимиляции. Последнее означает приспособление к господствующим формам идентичности и часто приводит к дальнейшей фрагментации общества и сепаратизму [Жижек, 2005: с. 22]. Известный американский социолог и политолог Самуэль Хантингтон в таком контексте определяет мультикультурализм как сущность антиевропейской цивилизации, движение, противостоящее монокультурной гегемонии Европы, ведущей к маргинализации других культур [Хантингтон, 2007: с. 268]. Одной из разновидностей критического мультикультурализма является мультикультурализм оппозиционного направления [Тлостанова, 2008: с. 105]. Такой “серьезный”, по определению американского теоретика Стенли Фиша, мультикультурализм не заботится об акцентировании различий, а прежде всего противостоит любому подавлению и насилию

в сфере духовной репрезентации. Будучи отмечен детерминизмом, он нередко подменяет конкретные различия культом различий как таковых. Характерным примером оппозиционного мультикультурализма служит “критический мультикультурализм”, теорию которого разрабатывали, в частности, представители Чикагской школы культурных исследований в 90-х годах XX века.

Мультикультуралистский дискурс не являет собой единства ни в смысле подходов к осмыслению феномена многокультурности, ни в плане выводов о возможности и необходимости использовать специальные политические инициативы для сохранения различий в сфере социокультурного бытия и содействия появлению новых различий. Многочисленные концепции по поводу социокультурной множественности и определения характера различий можно объединить по типам:

- постструктуралистский и инструменталистский;
- радикальный и умеренный [Коробейникова, 2009];
- моралистический (или социально-педагогический), постмодернистский (или кулинарно-циничный), реактивный (или фундаменталистский) [Малахов, 2000; Радтке, 2002] и полицентрический [Shohat, Stam, 1995].

Постструктуралистски настроенные мультикультуралисты, основываясь преимущественно на теории идентичности, представленной болгарско-французской писательницей, философом Юлией Кристевой [Кристева, 1997], предлагают сводить различия не к групповым, а к индивидуальным. Идентичность в данном случае рассматривается не как устоявшийся феномен, связанный с групповой принадлежностью, а как постоянное движение, постоянное становление, не имеющее ни начального, определенного “ядра”, ни окончательного конечного “пункта назначения”. Такой мультикультурализм отдает предпочтение индивидуальному перед групповым и отрицает необходимость сохранения групповых различий. Такая позиция встречается как в рамках так называемого диалогического мультикультурализма [Бенхабиб, 2003], так и в рамках критического мультикультурализма [Schlesinger, 1992].

На позициях инструментализма в основном стоят либеральные мультикультуралисты — американский политический философ Уилл Кимлика и Майкл Волцер [Кимлика, 2007; Волцер, 1997], научно-поисковая деятельность которых вращается главным образом вокруг вопроса о том, как можно достичь “настоящей мультикультурности”. Это же касается концепции мультикультурализма канадского философа Чарльза Тейлора [Тейлор, 2004]. Кстати, последняя концепция по характеру мультикультуралистского дискурса принадлежит к социологическим концепциям радикального направления, которые отрицают необходимость единой культуры, исходя из того, что каждая культурная группа имеет право не только на культурное, но и на политическое самоопределение в рамках страны проживания. Радикальные концепции базируются на идеях толерантности и культурной идентичности, основывающихся на концепции вариативной истины, которые рассматривают мультикультуру как фундаментальную ценность.

В противовес радикальным, концепции умеренного характера поддерживают культурные группы в их стремлении к сохранению своей идентич-

ности, однако признают, что единая политическая культура жизненно необходима для функционирования демократического общества. Умеренный мультикультурализм развивает концепцию размежевания позитивной и негативной толерантности, приобретающей специфические формы в любой культуре [Коробейникова, 2009].

Еще одну типологию относительно мультикультуралистского дискурса предлагает российский исследователь В.Малахов, который, несколько изменив известную типологию Ф.-О.Радтке [Радтке, 2002], выделяет такие типы, как моралистический (или социально-педагогический), постмодернистский (или кулинарно-циничный), реактивный (или фундаменталистский) [Малахов, 2013]. В этом контексте американские исследователи Э.Шохат и Р.Стам выделяют еще один тип мультикультуралистского дискурса — полицентрический [Shohat, Stam, 1995].

Моралистический тип мультикультуралистского дискурса (по классификации Ф.-О. Радтке, социально-педагогический) понимает мультикультурализм как идеальную модель общежития, которая обеспечивает мирное сосуществование этнических и религиозных сообществ, каждое из которых воспринимается как носитель особой культуры. В качестве социально-теоретического обоснования такого мультикультурализма используются идеи веротерпимости, гражданской толерантности, признания равноценности всех культур; это идеи, оформленные в философии Нового времени, прежде всего в концепциях естественных прав и государства общественного договора, которые заложили фундамент либерализма. В этом контексте развитие общества трактуется как процесс динамичного взаимодействия множества разнообразных равноценных культур. А механизмом упорядочения этого взаимодействия выступает мультикультурализм, который отрицает культурные иерархии, деление на центр и периферию, утверждает примат горизонтальных связей над вертикальными и приветствует многообразие культур. Моральность мультикультурализма заключается в требовании уважения ко всем другим культурам, а легитимность базируется на признании общих прав человека и равенства культур [Кудрявцева, 2013]. С точки зрения Ф.-О. Радтке, в своем педагогическом варианте мультикультурализм помогает людям привыкать к объяснению всевозможных неравенств культурными различиями. Новые реальности многонациональных государств следует уважать, как минимум, терпеть, а по мере возможности считать обогащением [Радтке, 1998].

Постмодернистский тип мультикультуралистского дискурса (кулинарно-циничный, по Ф.-О.Радтке) поддерживает риторику различий, которая пришла на смену риторике тождественности. Различия приветствуются, но без смены действующего порядка. То есть мы приветствуем вашу инаковость, но при условии, что вы останетесь там, где вы находитесь сейчас и что наше благосостояние не ухудшится. Будем наслаждаться Праздником Различий в китайских ресторанах и на фольклорных фестивалях [Малахов, 2000].

Фундаменталистский тип мультикультуралистского дискурса предлагает полностью отказаться от ценностей и норм, сложившихся в рамках современной либеральной демократии. Принципы либеральной демократии в данном случае суть не больше чем завуалированное насилие, прикрытие господства одной группы над всеми другими [Малахов, 2000].

Полицентричность в полицентричном типе мультикультуралистского дискурса глобализирует понятие мультикультурализма и переструктурирует межгрупповые отношения внутри, между и вне систем наций-государств в соответствии с внутренними и частично общими требованиями разнообразных сообществ [Shohat, Stam, 1995: 300]. В этой картине мира сама действительность является полицентричной. По мнению российской исследовательницы Мадлены Тлостановой, полицентрический мультикультурализм рассматривает всю историю культуры в контексте социальной власти и не сочувствует сентиментальному восприятию “других”, за которых мы должны нести ответственность, а скорее связан с идеей необходимости дать власть ранее лишенным ее. Полицентрический мультикультурализм не проповедует псевдоравенства точек зрения, однако открыто стоит на стороне подчиняемых. Он мыслит и представляет мир с позиции границы и рассматривает маргинальные сообщества не как группы, которые должны быть присоединены к существующему ядру, а как активных творцов истории. В полицентрическом мультикультурализме самым важным измерением является историческое, а именно: доказательство органичной связи проблемы культурного разнообразия и инаковости со всей историей колонизации мира. Не менее важный момент здесь — и пространственная локализация, основанная на вовлечении Америки, Азии, Африки, а сегодня и Европы, особенно периферической, в поле действия мультикультурной модели [Тлостанова, 2008: с. 106].

Суммируя изложенные в статье теоретические обобщения, можно утверждать, что социологическая теория мультикультурализма как разновидность социологической теории является ключевым понятием и одним из методологических средств социологического анализа социальной реальности. Вся совокупность разнообразных социологических концепций мультикультурализма, разработанных и сформировавшихся в процессе исторического развития социологии, образует относительно автономную отрасль социологической теории, требующую дальнейшего развития. Хотя дальнейшее развитие осложняется междисциплинарным характером мультикультурализма, однако накопленный опыт его социальных практик (толерантности и культурного взаимодействия) создает необходимые предпосылки для системной рефлексии и дальнейшего изучения.

Источники

Бенхабиб С. Притязания культуры / Бенхабиб С. — М. : Логос, 2003. — 296 с.

Вевьерка М. Формирование различий / М. Вевьерка // Социологические исследования : науч. и обществ.-полит. журн. — 2005. — № 8. — С. 18–19.

Висоцька Наталія. Концепція мультикультуралізму і питання естетики / Наталія Висоцька // Питання літературознавства. — 2009. — Вип. 77. — С. 110–121.

Джери Д. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. [Электронный ресурс] / Д. Дэвид, Дж. Джери / пер. с англ. Н.Н. Марчук. — М. : Вече : АСТ, 1999. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 528 с. — Режим доступа :

<http://voluntary.ru/dictionary/567/word/multiculturalizm>.

Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование / Дмитриев Г.Д. — М. : Прогресс, 1999. — 208 с.

Жижек С. Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого: Желание: Влечение; Мультикультурализм / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирнова ; под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. — СПб. : Алетейя, 2005. — 156 с.

Кимлика У. Политика на местном языке: национализм, мультикультурализм, гражданство [Электронный ресурс] / У. Кимлика. — М., 2007. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/logos/2004/7/mala2.html>.

Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе / Н.С. Кирабаев // Культурная идентичность и глобализация : V междунар. филос. симпозиум “Диалог цивилизаций: Восток–Запад” : докл. и выступ. — М. : Изд-во РУДН, 2002. — 169 с.

Колодій А. Американська доктрина мультикультуралізму і етнопатриотичний розвиток України [Електронний ресурс] / А. Колодій // Агора. — 2008. — Вип. 6 : Україна і США: взаємодія у галузі політики, економіки, культури і науки. — С. 5–14. — Режим доступу : <http://political-studies.com/?=578>.

Коробейников Л.А. Мультикультурализм: открытый дискурс / Л.А. Коробейникова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 326 (сент.). — С. 61–63.

Кристева Ю. От одной идентичности к другой [Электронный ресурс] / Ю. Кристева // Источник: От Я к Другому / пер. с англ., вступление и примечания Е.М. Князевой ; сверено с франц. А.А. Горных. — Минск, 1997. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/krist/otodn.php.

Кудрявцева Т.В. Понятие поликультурности. Мультикультуралистский дискурс [Электронный ресурс] / Т.В. Кудрявцева. — Режим доступа : <http://auts.esrae.ru/pdf/2013/>.

Куропятник А.И. Проблема идентичности в мультикультуральных и полиэтнических обществах [Электронный ресурс] / А.И. Куропятник // Портал Сибирь и сибирская идентичность. — Режим доступа : <http://sib.ident.narod.ru/text/kuropyatnik2.doc>.

Куропятник А.И. Проблема идентичности в мультикультурных и полиэтнических обществах [Электронный ресурс] / А.И. Куропятник. — М., 2005. — Режим доступа : www.twirpx.com/file/180539/.

Лапин Д.В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен [Электронный ресурс] / Д.В. Лапин. — Режим доступа : http://ideaidaily.ru/wp-content/uploads/2014/11/Лапин_ИИИ_216_/2013_Т_2.pdf.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Лебедева Н.М. — М. : Ключ-С, 1999. — 233 с.

Ле Коадик Ронан. Мультикультурализм [Электронный ресурс] / Ронан Ле Коадик. — Режим доступа : <http://www.etnograf.ru/node/178>.

Липкин А. И. Вызов новой мультикультурности // Европейская культура: вызовы современности = The European culture: the challenges of modernity / [под ред. Е.В. Водопьяновой]. — М. : Ин-т Европы РАН, 2014. — С. 31–35.

Липкин А.И. Изменение характера мультикультурализма на границе XXI века: межцивилизационный аспект в условиях глобализации [Электронный ресурс] / А.И. Липкин // Портал Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. — Режим доступа : http://www.president-sovet.ru/structure/consolidation_group/materials/proceedings_of_the_workshop/ai_lipkin.php.

Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм [Электронный ресурс] / В.С. Малахов // Логос. — 2000. — № 5–6. — Режим доступа : <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/malachov.html>.

Паин Э.А. К вопросу о “крахе политики мультикультурализма” в Европе. [Электронный ресурс] / Э.А. Паин. — М., 2011. — Режим доступа : <http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k-voprosu-o-krakhe-politiki-multikulturalizma-v-evrope>.

Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Паин Э.А. — 2-е изд., доп. — М.: Новое изд-во, 2004. — 248 с.

Петриковская А.С. Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики / А.С. Петриковская // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 2. — С. 28–44.

Радтке Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией: дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией [Электронный ресурс] / Ф.-О. Радтке; пер. с нем. М. Кудрявцевой. — Режим доступа : http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Radtke.pdf.

Радтке Ф.-О. Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия / Ф.-О. Радтке // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. — С. 103–115.

Социологическая энциклопедия : в 2-х т. / В.Н. Иванов (гл. ред.); Национальный общественно-научный фонд. — М.: Мысль, 2003. — Т. 2 : Н–Я. — 863 с.

Следзевский И.В. Формирование этнокультурного образования в Москве, модернизация столичного образования и вызовы современного мультикультурализма / И.В. Следзевский // Этнические процессы в столичном мегаполисе. — М.: Ин-т Африки РАН, 2008. — С. 80–183.

Тейлор Ч. Мультикультурализм і “політика визнання” / Чарльз Тейлор; пер. з англ. — К.: Альтерпрес, 2004. — 172 с.

Тенула Дж. История и культура решения конфликтов в Соединенных Штатах / Дж. Тенула // Расы и народы. — 1998. — Вып. 24. — С. 240–251.

Тишков В.А. Теория и практика многокультурности / В.А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. — С. 331–350.

Тлостанова М.В. Движение идей мультикультурализма в США конца XX века / М.В. Тлостанова // США, Канада: ЭПК. — 2000. — № 10. — С. 98–107.

Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскультурации / М.В. Тлостанова. — М.: РУДН, 2008. — 251 с.

Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер; пер. с англ. И. Мюрнберг. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. книги, 2000. — 160 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон. — М.: АСТ: Мидгард, 2007. — 576 с.

Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования / С.Г. Чукин // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сб. к 75-летию проф. М.Я. Корнеева. — СПб.: Наука, 2002. — Вып. 11. — С. 76–77. — (Серия “Мыслители”).

Bernstein R. Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and the Battle for America's Future / R. Bernstein. — N.Y., 1994. — 367 p.

Canadian Multiculturalism [Electronic resource] : Act. R.S.C. (4th Supp.) // Department of Justice Canada. — 1985. — 24 p. — Access mode : <http://laws.justice.gc.ca/engg/acts/c-18.7/page-1/html>.

Castles S. Sozialwissenschaften und ethnische Minderheiten in Australien / S. Castles // Ethnizität Wissenschaft und Minderheiten / (Hrsg) E. Dittrich, F.- O. Radtke. — Opladen, 1990. — P. 43–71.

Ceaser J. Multiculturalism and American Liberal Democracy / J. Ceaser // Multiculturalism and American Democracy / ed. by A. Melzer, J. Weinberger, M. Zinman. — Lawrence, Kansas : Univ. Press of Kansas, 1998. — P. 139–156.

Deger P. Ethnische Grenzziehungen, Buergerstatus und multikulturelle Gesellschaft. Gastarbeiter in Deutschland / P. Deger // Kollektive Identität in Krisen / (Hrsg) R. Hettlage, P. Deger, S. Wagner. — Opladen, 1997. — P. 98–111.

Fish S. Boutique Multiculturalism, or Why Liberals are not Capable of Thinking about Hate Speech [Electronic resource] / S. Fish // Critical Inquiry. — 1997. — № 23 (2). — 378 p. — Access mode : <http://handleshaus.files.wordpress.com/2013/09/boutique-multiculturalism.pdf>.

Guattari F. A Liberation of Desire. An Interview / F. Guattari // Homosexualities and French Literature / ed. G. Stambolian. — Itahca, 1976. — 61 p.

Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State / J. Habermas // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / ed. by A. Gutmann. — Princeton ; New Jersey, 1994. — P. 107–148.

Heckman F. Multiculturalism Defined Seven Ways [Electronic resource] / F. Heckmann // The Social Contract. — 1993. — Summer. — Access mode : <http://www.thesocialcontract.com/pdf/three-four/Heckmann.pdf>.

Huggan G. The Postcolonial Exotic. Marketing the Margins / Huggan G. — L. & N.Y. : Routledge, 2001. — 147 p.

Radtke F.-O. Multikulturalismus — Regression in die Moderne? / F.-O. Radtke // Fluchtzentrum Europa. Migration und Multikultur / Hrsg. von Martina Fischer. — Frankfurt a. M., 1998. — S. 138–157.

Schlesinger A.Jr. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society / Schlesinger A.Jr. — Norton, 1998. — 208 p.

Shohat E. Unthinking Eurocentrism Multiculturalism and the Media / Ella Shohat, Robert Stam // Psychology Press. — 1994. — 405 p.

Todd R. Multiculturalism [Electronic resource] / R. Todd // Dictionary of Race and Ethnic Relations. — L.; N.Y. : Taylor & Francis e-Library, 2003. — P. 244–246. — Access mode : <http://bookre.org/reader?file=757954>.

Wieviorka M. Is multiculturalism the solution? [Electronic resource] / M. Wieviorka // Ethnic and Racial Studies. — 1998. — Vol. 21, № 5, sept. — P. 881–910. — Access mode : http://www.epolis.cz/download/pdf/materials_11_1.pdf.